

занного, есть гораздо больше оснований полагать, что и Феофан имел в виду не париков-присельников, а париков-колонов. А. П. Каждан ослабляет возможность привлечения надписи 834 г. как свидетельства о том, что парики были феодально-зависимыми крестьянами, ссылаясь при этом на П. Лемерля (прим. 41: P. Lemerle. Esquisse. . ., «Rev. hist.», t. 220, p. 87, note 4), указавшего, что надпись вызывает серьезные подозрения, так как она известна лишь в копии, опубликованной в 1554 г. П. Лемерль действительно высказал сомнения, «по крайней мере в отношении формы этой надписи» и в том, «что Феофил мог в надписи 834 года хвастаться тем, что он был добр к своим парикам». Тем не менее, заключая свою мысль, он указывает, что «именно они (парики. — *Ε. Λ.*) и обеспечивали обычно эксплуатацию крупных светских и церковных имений» (Mais enfin c'étaient eux qui assuraient normalement l'exploitation des grands domaines laïques et ecclésiastiques), т. е. не сомневается в характере их зависимости.

На стр. 239 А. П. Каждан вновь поднимает неоднократно являвшийся предметом обсуждения в византиноведении вопрос о характере повинностей, возложенных на славян, приписанных после разгрома их восстания к митрополии Патр. Как известно, ряд исследователей рассматривал этих славян как «крепостных» митрополии (А. А. Васильев, М. В. Левченко) или ее париков (П. Лемерль). В отличие от названных исследователей, взгляды которых были учтены мной в «Очерках», А. П. Каждан утверждает, что: 1) речь в тексте Константина Порфирородного идет только о повинности, известной под названием постоа; 2) ничего специфически феодального в ней нет; 3) об оброках и повинностях, которые шли полностью в пользу церкви, в тексте Константина «нет ни слова». Следует сказать, что А. П. Каждан, не усмотревший даже и в своей книге в данном тексте Константина «никаких рентных отношений», связывавших славян с митрополией, не принял во внимание всего текста полностью. Так, бросается в глаза, что он нигде не отметил, что из текста Константина можно сделать вывод о двух этапах этих взаимоотношений. Лишь на втором этапе (стк. 71—75) при императоре Льве VI было в точности определено, что «именно эти приписанные должны были вносить митрополии (буквально — митрополиту), и было запрещено переводить это на деньги или как-либо иначе доставлять им заботы несправедливыми взысканиями». Или, точнее, наказывать их.

Следовательно, на первом этапе (стк. 47—71) при императоре Никифоре (т. е. именно тогда, когда это нас особенно интересует в рамках «Очерков») было лишь определено, что они «вместе со своими семьями и всем, принадлежащим им, и их имуществом выделены храму апостола Патрской митрополии», т. е. были установлены отношения их полной имущественной зависимости от митрополии.

Следует обратить внимание и на терминологию, приведенную в заглавии, в частности на слова: δουλεύειν, ὑποκείσθαι, подчеркивающие полное подчинение славян церкви Патр. Эта зависимость на первом этапе, по-видимому, ничем не была ограничена. Константин подробно описывает только постоянную повинность. Но, может быть, это объясняется характером сочинения «De administrando imperio», в котором византийского императора в первую очередь интересовала именно государственная повинность, переложенная на славян. Из изложения отнюдь не следует с полной определенностью, что эта повинность была единственной. Напротив, отсутствие ограничений на первом этапе скорее дает основания предполагать, что до сигиллия Льва VI имело место обратное — несправедливые наказания их митрополитом, перевод повинностей и оброков на деньги: καὶ μὴ ἀπαρχυρίζεσθαι παρ' αὐτοῦ ἢ ἄλλως πῶς κατ' ἐπινοίαν ἀδικῶν ζῆμιονεσθαι αὐτοῖς (стк. 73—75). Если же принять толкование термина ἀπαρχυρίζεσθαι, которое дает переводчик как «продавать их», степень зависимости славян от митрополии придется признать еще более неограниченной. Тот факт, что митрополит имел право юрисдикции, мог творить над ними суд и расправу, также ярко характеризует степень зависимости этих славян-крестьян ἐναπογράφόμενοι, т. е. приписанных к митрополии.

Мы не имеем поэтому оснований утверждать, как это делает А. П. Каждан, что в тексте речь идет только о постое, что у славян не было с митрополией никаких рентных отношений (А. П. Каждан. Деревня и город. . ., стр. 65—66) и тем более что об оброках и повинностях, которые шли в пользу церкви, в тексте Константина нет ни слова. Мы, правда, не имеем перечисления повинностей и оброков (кроме постоа), но из этого не следует, что о них «нет ни слова». Напротив, факт их существования не внушает сомнений уже потому, что на втором этапе возникла необходимость ввести их в точные рамки и запретить взимать их в денежной форме. Думаю поэтому, что категоричные суждения А. П. Каждана гораздо менее научно аргументированы, чем мнение тех исследователей, которые рассматривают патрских славян как париков — крепостных митрополии, принадлежащих ей вместе со всем своим имуществом и обложенных, помимо постоа, и другими повинностями³⁸.

³⁸ Ср. и P. L e m e r l e. La Chronique. . ., p. 40: «в существовании славян париков митрополии с повинностями, среди которых был и митат (avec entre autres charges celle de mitata), нет оснований сомневаться. Я хочу сказать, что Патрская церковь